

СОЦИОЛОГИЯ ЭЛИТ

А. В. Дука

ВАРИАНТНОСТЬ СОЦИОЛОГИИ ЭЛИТ

Социология элит достаточно диверсифицированная научная сфера. Внутренняя дифференциация обусловлена теоретическими и экстраординарными факторами. В статье анализируются теоретико-методологические основания различных идентификационных стратегий в социологических исследованиях властных элит и их экспликации. Исследуются позиционный, репутационный, решенческий и рекрутационный идентификационные подходы. Показывается, что при видимой схожести начальных исследовательских стратегий их основания могут достаточно сильно различаться и теории, на которые они опираются, могут быть не вполне совместимыми. Данное обстоятельство может существенно повлиять на интерпретацию получаемых результатов и на их сравнимость. Вместе с тем одни и те же теоретические основания могут предполагать разные идентификационные подходы, что создает возможность применения различных идентификационных подходов в рамках одного исследования. Помимо теоретических оснований выбор исследовательской стратегии также зависит от мировоззренческих предпочтений ученого. Показываются возможности и ограничения применения различных подходов в исследовании элит и властных групп.

Ключевые слова: элиты, социология элит, идентификационные подходы (стратегии), позиционный (институциональный) подход, репутационный подход, решенческий (децизионный) подход, рекрутационный подход.

Социология элит возможна прежде всего как *социологическое* рассмотрение элит, т.е. включение их в контекст социологических объяснений / теорий, или, шире, сквозь призму социологических традиций. В зависимости от авторских представлений об историко-социологическом процессе и предпочтений их вычленение может быть различным. Например, у Рэндалла Коллинза — конфликтная традиция, рационально-утилитаристская, дюркгеймианская (соли-

Дука Александр Владимирович — кандидат политических наук, заведующий сектором социологии власти и гражданского общества Социологического института РАН, доцент кафедры теории и философии политики факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета (alexander-duka@yandex.ru).

Duka Aleksandr — Candidate of Sc. (Political sc.), Head of the Department of Sociology of authority, power structures and civil society, Sociological Institute, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg); Assistant Professor of the Department of Theory and Philosophy of Politics, Faculty of Political Science, St. Petersburg State University (alexander-duka@yandex.ru).

дарности), микросоциологическая (Коллинз 2009). Пер Монсон выделяет структурализм, функционализм, феноменологию, марксизм (Монсон 1992). Джонатан Тернер — функциональные теории, теорию конфликта, теорию взаимодействия и теорию обмена (Тернер 1985). Возможны иные классификации (см., напр.: Гоулднер 2003; Ритцер 2002). Помимо этого разные исследователи находят теоретические основания сильно различающихся концептуальных построений у одних и тех же авторов. Например, Толкот Парсонс интерпретировал Макса Вебера в духе нормативистского понимания социального действия, считая его одним из предтеч структурного функционализма, а Рональд Бендикс делал упор на веберовскую социологию господства, где основа анализа — конкуренция, конфликт, борьба (см.: Йоас, Кнебель 2011: 263–264). И сами теории, и их объект провоцируют и продуцируют множественность идейных конструкций. Отсюда полипарадигмальность социологии элит. И в этом смысле мы можем говорить не об одной социологии элит, а о множестве. Или по крайней мере о ее большой вариативности. Здесь следует оговориться, что социология по существу охватывает дисциплины, которые принято относить к иным областям знания — антропологии, политологии, истории, культурологии, политэкономии, психологии*. В этом отношении возможная область существования социологии элит оказывается весьма широкой. Более того, можно утверждать, что границы между элитологическими «департаментами» зачастую настолько размыты, что они практически становятся неразличимыми. Однако, как показывает В.Г. Ледаев, на начальном этапе в изучении власти в городских сообществах (что является наиболее тесно связанным с исследованием элит, а иногда просто совпадает с ним) дисциплинарная принадлежность ученого к социологии или политологии оказывалась весьма существенной (Ледаев 2012: 20–21). Вместе с тем часто остаются важными внутренние различия, тем более что, как еще более тридцати лет назад написал Моше Чудновский, «исследование элит — это плюралистическая вселенная» (Czudnowski 1983: 243). С тех пор вселенная только расширилась.

Вторым аспектом конституирования социологии элит является включение групп доминирования в контекст проблем, исследуемых социологией. В зависимости от социологических оснований, традиции, направлений социологии, социального контекста проблемы могут существенно различаться. Как отмечал Герберт Блумер, «социальные проблемы не имеют независимого существования в качестве совокупности объективных социальных условий, а являются прежде всего результатами процесса коллективного определения» (Блумер 2007: 11). И данное коллективное определение не произвольно, как может показаться на первый взгляд. Оно исторически обусловлено и детерминировано контекстом. «Конструирование социальных проблем определяется культурой и социальной структурой, свойственными данной социальной среде. Культура и социальная структура, варьирующиеся в зависимости от места и времени, формируют контекст, в рамках которого люди выдвигают и реагируют на

* Да и сами эти дисциплины можно рассматривать как социологические. Например: «Из прежней антропологии выросла постепенно новая антропология, т.е. сравнительная социология» (Рэдклифф-Браун 2001: 89). Исследования Э. Дюркгейма и М. Мосса дают хорошие основания для такого суждения.

утверждения-требования» (Бест 2007: 48)*. И, безусловно, политико-идеологические доминанты в конкретном обществе и научном сообществе имеют здесь немаловажное значение. Эволюция проблемы элит в отечественном обществоведении в различное время это ярко демонстрируют. Да и само введение термина «элита» в научный оборот в конце XIX в. в определенной степени было политико-идеологически детерминировано: частично удовлетворялась потребность в альтернативе марксистскому классовому анализу и теории классового господства**. И в связи с этим необходимо было дать теоретический ответ на политическую практику доминирования меньшинства при любых формах правления (см., напр.: Bottomore 1966: Ch.2. From the ruling class to the power elite; также см.: Higley, Pakulski 2000). Кроме того, немаловажным обстоятельством было то, что модерн, развивающийся капитализм одним из своих следствий имел увеличение роли широких масс в политике. В субъективном плане это создавало, говоря словами Георга Зиммеля, «чувство значительности и внимание, которых добились низшие классы у социальных верхов» (Зиммель 1913: 110). «Демократический взрыв» встретил оппозицию в средних и высших слоях общества и породил резкую критику***, в том числе научную. Роберт Михельс указывает в этом отношении на одно из ранних произведений в данном направлении — книгу Винченцо Жиоберти, которого он называет «великим, но мало известным предшественником» Парето и Моска (*Gioberti, Vincenzo. Del Rinascimento d'Italia. Turin, 1851*) (Michels 1930: 34). Непосредственное совпадение по времени исследований правящих организованных меньшинств и аморфных, неструктурированных и неорганизованных, но поддающихся влиянию, масс стало общим местом в исследовании возникновения теорий элит (Hartmann 2006: 5)****. Еще одним важным историческим обстоятельством явилось крушение европейского порядка, сложившегося после Венского мира 1815 г. в ходе

* О более широком аспекте проблемы см.: (Юревич 2001).

** Как писал Г. Моска, существующие тенденции экономического объяснения человеческой истории, социальных и политических феноменов страдают односторонностью. Поэтому необходим иной подход, принимающий во внимание результаты «сестринской науки» — политэкономии (Mosca 1939: 3).

*** Весьма показательная реакция на первую Думу в среде русского высшего сословия: «Достаточно было пообглядеться среди пестрой толпы “депутатов”, а мне приходилось проводить среди них в коридорах и в саду Таврического дворца целые дни, чтобы проникнуться ужасом при виде того, что представляло собою первое русское представительное собрание. Это было собрание дикарей. Казалось, что русская земля послала в Петербург все, что было в ней дикого, полного зависти и злобы. Если исходить из мысли, что эти люди действительно представляли собою народ и его “сокровенные чаяния”, то надо было признать, что Россия еще по крайней мере сто лет могла держаться только силою внешнего принуждения, а не внутренней сцепленности, и единственный спасительный для нее режим был бы просвещенный абсолютизм» (Крыжановский 2009: 92).

**** У него работы, заложившие основы теории элит, — Г. Моска (1896 г.), В. Парето (1916 г.), Р. Михельса (1911 г.) — идут в ряду с «Психологией толпы» («Психология народов и масс») Г. Лебона (1895 г.).

и после Первой мировой войны (Higley, Pakulski 2000). В этой связи проблематизация элит в качестве научного объекта анализа долгое время была незавершенной и вторичной. А в некоторых социологических системах элиты попросту отсутствуют. В российском обществоведении до сих пор идут дискуссии о статусе понятия / категории «элиты»*.

В отношении мировой научной практики показательны слова английского социолога Джона Скотта, описывающего бытование термина «элита»: «Неразборчивое употребление термина “элита” <...> маскировало ценность элитного анализа. Если элиты рассматривались просто как все те, кто находится на вершине какой бы то ни было иерархии, тогда идентификация и анализ элит тривиальны. В общем, если все общества и все организации по определению имеют элиту высших должностных лиц, тогда язык элитистского анализа ничего нам не говорит. Если же, с другой стороны, элиты понимаются как реальные социальные группы, характеризующиеся определенными “сознанием, сплоченностью и сговором”***, и они анализируются в их отношениях с классами, создающими общество, тогда поиск властных элит остается ключевым пунктом социологического анализа» (Scott 1990: xiii). Однако необходимо сказать, что возможны подходы к исследованию элит не только в рамках социально-структурных характеристик социума (см., напр.: Дука 2000; 2008; 2009). Также следует учитывать и политико-теоретические особенности в разных странах и регионах. Так, критикуя книгу Чарлза Райта Миллса «Властвующая элита», Даниэл Белл указывает на неправомочность переноса автором концепций, выработанных в ином, европейском, контексте (Bell 1958). Матей Доган спустя полвека пишет о том, что «теории, основывающиеся на американском опыте, не всегда могут быть экстраполированы на другие страны. Некоторые из этих американских теорий оказались невалидными при проверке в других национальных условиях» (Dogan 2003: 3).

Третий аспект проблемы обычно связывается с эмпирическими исследованиями властных групп социологическими методами. Но здесь, если это не связано с базовыми социологическими представлениями, парадигмами, не вполне ясно, что такое «социологические методы». Все общественные науки их используют, и они становятся если не общенаучными, то во всяком случае общесоциологическими и в этом смысле уже не специфически социологическими. Рассматривая метод в более общем плане, следует отметить, что претензии социологии на методические и методологические основания исследования общественных явлений всеми науками*** остались в прошлом. Помимо этого социология активно инкорпорирует методы антропологии, экономики, психо-

* См., напр., дискуссию в журнале «Общество и экономика» в 2007–2008 гг. См. также рассуждения о болгарской элите: (Nikolov 1998: 222–223).

** Базовые характеристики элиты, предложенные Джеймсом Майзелем (Meisel 1962).

*** «Социология в ее отношении к существующим наукам, есть <...> новый метод, средство исследования, нужное для того, чтобы к объяснению явлений всех этих областей подойти по новому пути» (Зиммель 1913: 112). Для Г. Моска такой экспансионизм социологии был важным основанием для определения исследуемой им области именно как политической науки (Mosca 1939: 3).

логии, лингвистики и других наук. И в этом отношении в современном научном познании идентификация любой социологической субдисциплины на основании применяемых методов выглядит неубедительно. Вместе с тем метод изучения не настолько инструментален, чтобы не влиять на содержательную сторону исследования. Более того, в некоторых случаях он является важной стороной или следствием теоретических оснований. Как справедливо отмечал в связи с этим Теодор Адорно, «среди социологов господствуют глубокие разногласия относительно метода» (Адорно 2010: 159, также см. 167). То же самое относится и ко всем социальным наукам. Более того, «на одном и том же наборе данных всегда можно возвести более чем один теоретический конструкт» (Кун 2002: 111). Дэвид Блур продемонстрировал на примере математики, что социальные причины могут существенно повлиять на фундаментальные основания научных дисциплин, где, казалось, все до очевидности однозначно (Блур 2012.). В свое время Эмиль Дюркгейм определил социологию как «науку об институтах, их генезисе и функционировании» (Дюркгейм 1995: 20). Но сейчас это не является столь эксклюзивно и демаркационно. В этом смысле социология элит и социологические исследования элит, скорее, связаны с (само)идентификацией исследователя и теоретическим контекстом конкретных исследований.

Указанные аспекты не всегда являются объектом рефлексии элитологов. Вместе с тем они важны для уяснения исходных посылок и возможных следствий исследования групп доминирования. В данном тексте я обозначаю различные основания социологического изучения элит и соответствующие экспликации. Моей целью не является сделать обзор литературы по элитологии или охватить как можно больше текстов и авторов. В этом отношении много работ останутся «обойденными». Это связано не с их малой значимостью, а с ограниченностью авторских задач и с авторским «фокусом» исследования. Цитируемые же авторы, скорее, представители, примеры определенной позиции, а их высказывания — иллюстрации.

В большинстве случаев исследование элит начинается с простой процедуры их идентификации, т.е. «что такое элита и кто к ней принадлежит», другими словами — где и как ее искать. Эта начальная процедура осуществляется или на основе определенной теории, или на основе научного или обыденного здравого смысла. Второе среди исследователей доминирует (во всяком случае мало кто эксплицирует свои теоретические основания), однако можно реконструировать некоторые концептуальные послылки. Надо отметить, что, как отмечают Ян Пакульский и Джон Хигли, многие исследователи продолжают использовать такие синонимы элит, как лидеры, правители, властные группы, властные сети, государственные акторы (Higley, Pakulski 2000: 238). В этом смысле зачастую идентификация элит, указанных синонимов и локализации власти совпадает.

В литературе существует несколько идентификационных подходов, четыре можно назвать основными: позиционный (институциональный, формальный), репутационный, решенческий (децизионный, проблемный), рекрутационный. Если три первых общеприняты (см.: Putnam 1976: 15–18)*, то последний выде-

* Стоит заметить, что раньше Дж. Пэрри к основным подходам относил два: репутационный и решенческий (Parry 1969: 106–114). В.Г. Ледяев, соглашаясь

ляется не всеми авторами (см.: Pahl, Winkler 1974: 103). Однако мне представляется, что он весьма точно схватывает взаимоотношение разных социальных групп, отношение социальной структуры и элит. Исследователями отмечается: «Рекрутирование — это важная связь между социальной структурой и ролью политической элиты, а также между изменениями в них» (Narasimw 1984: 2). Помимо этого диспропорциональность рекрутирования характеризует имеющиеся в обществе стратификации и иерархии. Именно они определяют с различной степенью жесткости, кто может быть членом элитного сообщества. Идентификации элит применяются как для теоретических исследований, так и для эмпирических. Сравнительный анализ идентификационных подходов целесообразно начать с принципов идентификации (или основного исследовательского вопроса) и оснований выделения элиты.

Здесь я оставляю в стороне ценностный подход, связанный как с «прочтением-переводом» слова «элита» как «лучшие», «отборные» и т.п. *, так и с представлениями об элитах как прогрессивно действующих социальных акторах, определяющих вектор социального развития на основе прогрессивной теории-идеологии и направляющих общество в «нужном» направлении (см.: Тощенко 1999; Койчнев 2007). Последнее внутренне связано с содержащейся в марксизме-ленинизме идее об авангарде, направляющей силе общества, ведущей роли и т.п. **

Позиционный подход связан с идентификацией властных институтов, где находятся персоны, могущие принимать важнейшие для общества решения. Соответственно, индивиды, занимающие наиглавнейшие позиции *** в этих институтах, и считаются элитой. Именно они используют институциональный потенциал (потенциал позиции) в своей деятельности. В этом отношении элита встроена в общую социетальную систему как особая функциональная часть.

С точки зрения общих социологических построений здесь рассматривается проблема целого и целостности. Вопросы, встающие перед учеными, в рамках такого подхода — «Как в рамках целого возможно автономное образование?» и «Каким образом поддерживается устойчивость социальных форм?» В рамках элитологических теорий сложились два подхода. В первом случае релевантный ответ дается в рамках «органической» социологии (Альберт Шеффле) и дюркгеймианской традиции. Однако не непосредственно, а через функционализм Т. Парсонса и Р. Мертона. Именно он задает функциональную определенность элитам в социетальных структурах. И здесь мы имеем два видения элиты: то, что можно назвать *чисто функциональным подходом* и *позиционно-потенциаль-*

с тем, что основными методами выявления субъектов власти являются три означенных, указывает, что в литературе встречается большее их число (Ледяев 2012: 177).

* См., напр.: «У действующей элиты на вершине пирамиды личностных качеств оказались традиционные для элиты духовно-нравственные и просоциальные позиции и установки» (Подолько 2013: 78). В этом же духе см.: (Карабушенко 2013а; 2013б и пр.).

** О «коммунистическом элитизме» см.: (Best 2012: 73–77).

*** У В. Парето это соответствует «ярлыкам» (Парето 2008: 309–310 [§ 794]).

Рис.1. Институциональный / позиционный подход

ным подходом. Первый достаточно хорошо определен Раймоном Арон: «Под “элитой” я понимаю меньшинство, которое в любом обществе выполняет функцию руководства сообществом» (Aron 1950: 9. Также см.: Janowitz 1956: 82; Bottomore 1966: 14; Emmerson 1976: 24). В этом же тексте Арон разъясняет, что функции связаны с местом в социальной структуре. Совсем оголенно, даже без отсылки к функциям, но имплицитно их подразумевая, часть авторов просто указывает на место в иерархии: «Все те, кто занимает позиции во власти, являются частью элиты» (Suleiman 1978: 4, footnote). Такая обнаженность статусного положения исходит из простого, но не лишённого оснований положения, что позиция функциональна, поскольку она встроена в структуру.

Но как быть с влиянием, с выполнением властных функций без официального статуса? Моррис Яновиц в связи с этим пишет: «Функциональные крите-

рии идентифицируют тех, кто обладает влиянием без должности и общественного признания. Они, не достигнув еще высокой должности, могут быть отобраны младшими членами высшей влиятельной инстанции в иерархии. Также они могут быть непрямо влияющим специализированным персоналом и иметь очень маленький шанс достичь высокой должности; например, личные секретари политических лидеров, советники по связям с общественностью бизнесменов. А также это те, кто нуждается в исключении, несмотря на их формальное положение или социальный статус, ввиду того, что они перестали оказывать влияние» (Janowitz 1956: 83). Такого рода проблема является безусловно ущербностью данного подхода. Между тем для анализа разных обществ возможности его различны. Как отмечает тот же автор, «идентификация членов элитной группы оказывается более выполнимой в отношении уровня, на котором элита закрепились и имеет историческую преемственность. Очевидно, что возникающие элиты и контрэлиты поддаются меньшему описанию исходя из формальных характеристик» (Ibid.). Устойчивость властных групп и структур оказывается существенной предпосылкой успешности применения функционального подхода. Эрик Карлтон, следуя этой же логике, делает более общее заключение: «Теория элит более “естественна” и легко применима к ранним обществам с хорошо упрочившимся и часто неоспариваемыми иерархическими организациями» (Carlton 1996: 7).

Второй вариант ответа делает упор на потенциальную возможность оказывать влияние. Потенциальная возможность (не)осуществить принципиальные решения и действия, могущие привести к кардинальным последствиям. Например, непринятие мер и, соответственно, неиспользование общенациональных, государственных ресурсов в условиях природных катаклизмов, неурожаев и т.п. приводит к серьезным результатам, влияющим на жизнь многих людей. «В наши дни возникают критические моменты, и в такие моменты возможность решать или уклоняться от решения принадлежит узким кругам. В том и другом случае они выступают как властвующая элита» (Миллс 1959: 49; также см. с. 24). Классическим в настоящее время, т.е. разделяемое большей частью исследователей элит, стало определение Джона Хигли с соавторами. Вот как, например, Джон Хигли и Майкл Бертон определяют элиты: «*Политические элиты могут быть определены как персоны, способные в силу их стратегических позиций во властных организациях и движениях оказывать влияние на политические результаты регулярно и устойчиво*» (Higley, Burton 2006: 7. Также см.: Field, Higley 1980: 20; Burton, Gunther, Higley, 1992: 8). Указанная потенция фактически определяет место формальной (официальной) позиции в системе власти и социальной структуре. Но она также ставит функции элитных персон в проблемное поле. И функции, и позиции оказываются в зависимости от неких факторов, не связанных с функционированием системы. Системная способность не равна способности конкретных индивидов и групп действовать в конкретной ситуации. Такая нежесткая связь дает возможность объяснить разнообразие функциональной деятельности элит. Методологически данная установка связана, скорее всего, с понимающей социологией. «Мы, конечно, должны прежде всего знать, какое поведение функционально *важно* с точки зрения “сохранения” (но также, и прежде всего, культурного своеобразия!) типа социаль-

ного действия и его определенным образом направленного развития, чтобы затем иметь возможность поставить вопрос, как возникает подобное действие и какие мотивы его определяют» (Вебер 1990: 619). Собственно, о влиянии Макса Вебера на современную теорию элит исследователи указывают (Pakulski 2012).

Другой аспект автономности деятельности в рамках существующих структур связан с проблемой возможного произвола в отношении заданности ролевого поведения в рамках системы. В этом отношении выполнение функций персонами или группами, занимающими стратегические позиции, может быть и дисфункциональным для системы. Это особо подчеркивает Герберт Фейт, идентифицируя индонезийскую элиту: «Более специфично мы определим элиту как те от 200 до 500 индивидов, большей частью проживающих в Джакарте, которые активно участвуют в принятии решений, приводящих к политическим кризисам или прекращающих их» (Feith 1962: 108). В значительной степени данная ситуация связана с тем, что можно назвать неинституционализированностью роли в неустойчивой, нестабилизированной или неустоявшейся системе.

Но есть еще одна линия, идущая от Дюркгейма. Она связана с социальной антропологией А.Р. Рэдклиффа-Брауна и большим влиянием социологизирующего экономического институционализма Т. Веблена и его теории праздного класса. Здесь группы доминирования (высшие классы, элиты) рассматриваются как обладающие символической властью и характеризующиеся символическим поведением, обеспечивающим устойчивость к социальным формам. В этом отношении данный подход можно определить как *структурно-символический*. В этом ключе анализировал лидирующие группы местных сообществ У.Л. Уорнер и его коллеги (см.: Уорнер 2000; Warner, Low, Lunt, Srole 1963 и др.). Исследователи исходили из того, что индивидуальное и ассоциированное поведение ритуализовано и символично. Социальная структура принизана символами, отражающими различные чувства, установки и ценности различных ее частей (Warner, Low, Lunt, Srole 1963: 135). Существенно, что социальные позиции и статусы связаны с определенными образцами поведения, что достаточно отчетливо фиксируется всеми участниками социального взаимодействия. Важным аспектом повседневного символически демаркирующего поведения элиты является язык (см.: Baltzell 1971: 50–52; Fox 2004: 73–83).

Рекрутационный идентификационный подход основан на определении бассейна рекрутирования. Основной вопрос для исследователей — «Откуда берутся элиты?» Основой выделения является социальная диспропорция. Собственно, закон возрастающей диспропорции Роберта Патнэма (Putnam 1976: 33) выражает существо данного подхода. Соответственно, в рамках социологической теории общей проблемой будет, как возможна диспропорция. Два принципиальных ответа предлагается в теории.

Во-первых, потому, что сами люди неоднородны и неравны в своих способностях: «Нравится это некоторым теоретикам или нет, но фактически человеческое общество не является однородным, люди отличаются друг от друга физически, нравственно и интеллектуально» (Парето 2008: 306–307 [§ 791]). Именно они и их психологические предрасположенности определяют место

Как возможна диспропорция

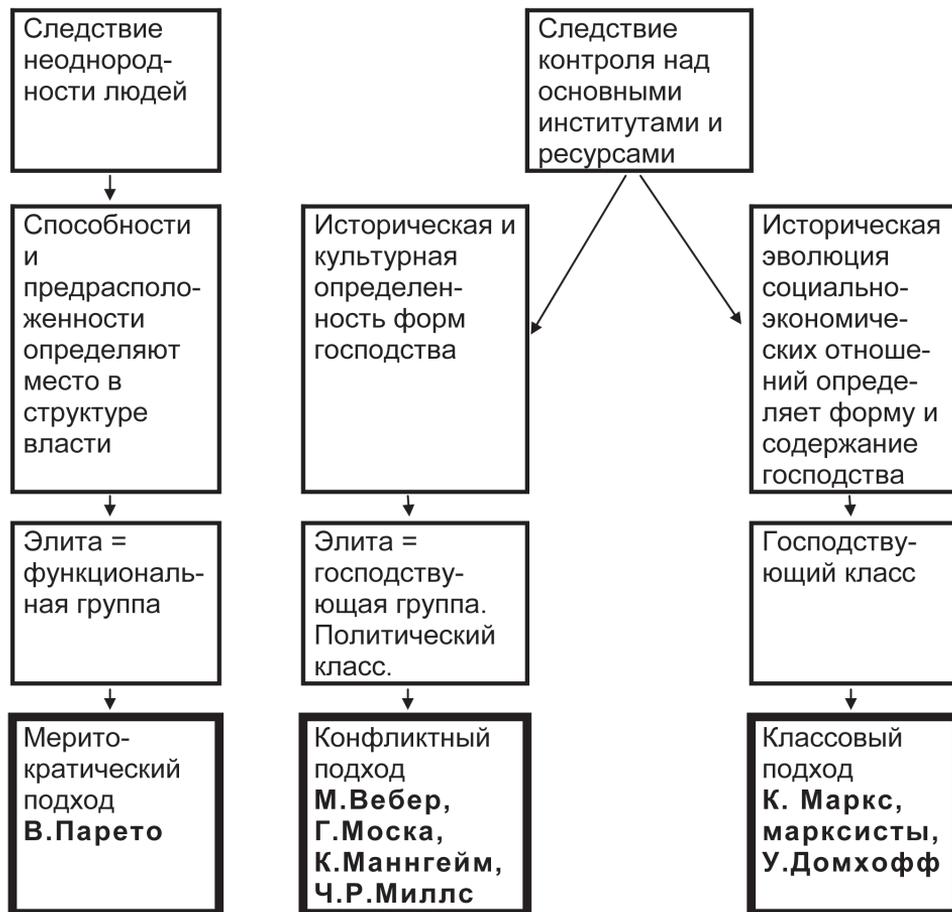

Рис.2. Рекрутационный подход

в структуре власти. Это основа *меритократического* подхода В. Парето. Его классическое определение элит прямо отсылает к этим основаниям (Парето 2008: 307–309 [§ 792]). Помимо этого существует и статистическая закономерность: «В любой отрасли науки, искусства, полезной или преступной деятельности и т.д. занято множество малоспособных людей, немного способных и очень мало выдающихся. Если расположить их по уровню способностей, то мы получим не пирамиду с пологими ребрами, а пик с острой верхушкой» (Парето 2011: 176). Другими словами, меньшинство вполне естественно находится наверху и управляет обществом. Попытки что-либо изменить не меняют существа распределения — «форма пика сохраняет стабильность и при всех возмущениях тяготеет к самовосстановлению» (Там же). Персональные изменения в элите не влияют на принципиальное иерархическое строение общества.

Во-вторых, диспропорция в распределении власти и доступа к власти является следствием контроля над основными институтами и ресурсами. Структура общества задает и предполагает выталкивание определенной группы наверх. «Место индивидов и их способностей в социальной структуре определяет каждый раз разделение функций и труда, создавая различные по своему типу шансы для образования элиты в области знания и формирования воли. Структура общества ставит определенные в этом смысле группы в привилегированное положение, принуждая одновременно другие группы к пассивности» (Манхейм 1994: 287). Именно это создает социальную диспропорцию в распределении рациональных и моральных способностей в человеческом обществе и задает их актуализацию.

Но здесь сложились два принципиально разных варианта объяснений. С одной стороны, интерпретация выстраивалась через историческую и культурную определенность форм господства. Наиболее значимые фигуры в социологическом описании конфликтной основы появления и функционирования господствующих групп в рамках данного объяснения — М. Вебер, Г. Моска, К. Маннгейм, Ч.Р. Миллс.

С другой стороны, классовый подход, выявляющий историческую эволюцию социально-экономических отношений, которые определяют форму и содержание господства (марксисты, У. Домхофф*).

Между тем следует отметить, что, как пишет Р. Коллинз, «XX век смешивает идеи Маркса и Вебера» (Коллинз 2009: 108). В современных теориях элит данное обстоятельство достаточно очевидно. В более ранний период в немецкой социологии механизмы олигархизации описывались зачастую, опираясь на эти две великие традиции. Например, как у К. Мангейма: «Любая концентрация в руках аппарата, описанная Марксом и Максом Вебером, концентрация средств производства, а также средств политического и военного господства таит в себе в возрастающей степени угрозу динамичному принципу активизации и приводит, как при капитализме, так и при коммунизме, к господству меньшинства. В первом случае будет действовать тенденция к феодализации в области политики, экономики и культуры, во втором — к тотальной бюрократизации функций знания и воли» (Манхейм 1994: 290). И, как показано в литературе, социология конфликта от Маркса и Вебера через Мангейма и Герта у Миллса породила его теорию элит (Коллинз 2009: 62, 108–115) (другие аспекты этого направления я здесь не рассматриваю).

Репутационный подход основан на представлениях экспертного сообщества о значимых и важных фигурах в управлении того или иного сообщества, города, государства. В зависимости от методологических оснований и методических предпочтений эксперты могут определяться по-разному — от всех граждан, жителей до персон, включенных в реальные отношения с властными инстанциями. Основной исследовательский вопрос можно поставить следующим образом: «Почему и как кого-то можно считать принадлежащим к элите?»

* Некоторые исследователи считают Уильяма Домхоффа марксистом. См., напр.: (Marger 1981: 217–219, 226).

Рис. 3. Репутационный подход

Классикой репутационного подхода является работа Флойда Хантера (Hunter 1953; см. также: D'Antonio 1962). Собственно, его и считают первым методологом и практиком данной идентификационной стратегии. Предпосылкой возможности судить о распределении власти является тотальность власти и политики, а также наличие гражданских организаций, взаимодействующих с властными структурами. Идентификация ключевых во власти персон происходит на основании индивидуальных и групповых (общественных объединений) практик. Исследование в рамках этого подхода включает несколько исследовательских шагов: составление предварительных списков «лидеров» города, региона (бизнесмены, гражданские организации, газеты и т.п.); отбор «экспертов» («судей»), которые представляли бы различные религиозные, деловые, профессиональные круги, причем выдерживается соотношение по половозрастным и этническим характеристикам; просмотр экспертами списков и отбор в каждом из них «настоящих лидеров», причем на этой стадии атрибуция власти основывается на репутации лидеров в глазах «судей»; интервью с оставшимися лидерами, в процессе которых их просят назвать десять наиболее влиятельных лидеров, а также указать на степень знакомства их друг с другом, тесноту связи. Элиты в данном случае определяются как заметно влияющие на решение наиболее важных вопросов (Hunter 1953: Ch.2. Location of power in Regional City; Ch.4. The structure of power in Regional City; Appendix. Methods of study). В связи с этим данный подход можно определить как *публично-презентирующий*.

В элитологической литературе можно встретить и иные варианты репутационного подхода. Однако отсутствие авторской саморефлексии и различий в теории и эмпирических исследований элит на определенном этапе ее развития оставило в тени более ранние работы. Между тем основания для идентификации репутационного подхода (или его предпосылок, предоснований) в некоторых работах присутствует. Для В. Парето деривации авторитета (Парето 2008: 200–204 [§ 549–562]), иными словами, признание и оправдание авторитетных инстанций являются основанием идентификации авторитета и соотношения себя с ним. Таким образом, элиты — это те, кто обладает авторитетом*. Причем основания авторитета связаны с остатками (проявления чувств или выражения аффектов, слившиеся с природой человека), ориентированными на сохранение социальности. Наиболее существенные в данном контексте являются чувства иерархии, дифференцированные на чувства высших и чувства низших (Там же: 164–165 [§ 447–454]), а также отношения социальных классов (Там же: 156 [§ 406]). Некоторые исследователи определяют концепцию элит Парето как *психологическую*. В этом смысле это действительно так. Однако здесь важно, что даже индивидуальные чувства и аффекты встраиваются в групповые и общесоциальные формы. А производные (деривации), представляющие интеллектуальные системы и маскировки людьми своих страстей и истинных мотивов, являются неиндивидуальными конструктами. Конечно, эмпирически достаточно непросто выявить репутацию персон как властных на основании выявляемых остатков. Необходимо учитывать комбинацию чувств и практик различных страт. Выявление объекта авторитета, зависимости, уважения, почтения и благоговения помогает определить социальное положение индивида или группы как более высокое, чем то, которое занимает тот, кто данные чувства проявляет. Также и чувства покровительства, благосклонности, господства, надменности и превосходства фиксируют их обладателей как занимающих более высокое положение, чем те, на которых они направлены. Таким образом, выявление и идентификация элиты предстает как социально-психологическая задача социометрического рода.

В этом отношении предлагаемое Мариан Бет выделение и определение элит на основании престижа (индивидуального в данной социальной группе и группового в рамках межгруппового взаимодействия) (Beth 1942) интенционально близки к паретовской идее. Однако развитие эта линия не получила, хотя латентно повлияла на последующие исследования.

В рамках реализации проекта по исследованию социальной структуры и социальных отношений в Ньюберипорте (Янки-сити в публикациях результатов исследования), длившегося шесть лет, Уильямом Ллойд Уорнером и его исследовательской командой проводилось сплошное анкетирование жителей города (17 тыс. человек), некоторые опрашивались неоднократно. Одной из целей было выяснить соотношение респондентами себя и других жителей, себя и той или иной социальной группы, определить социальную дистанцию. В основе этой процедуры лежало представление о всеобщности социальных, включая

* «Авторитет признают в том, кто обладает некоторыми реальными или мнимыми чертами превосходства» (Парето 2008: 164 [§ 450]).

иерархические, отношений. Существенно, что разнообразные факторы оказывали влияние на положение индивида в социальной иерархии. Статистически анализировались тип жилища, бюджетные траты, профессиональное занятие, место жительства, принадлежность к церкви, местным неформальным группам, этничность, членство в ассоциациях, чтение журналов, книг, газет. Оказалось, что по сравнению с южными сообществами с кастово-классовым социальным порядком, на севере Штатов существовала классовая система (Warner 1941: 789). Но во всех сравниваемых случаях выявлялись именно отношения, а не персональные характеристики. В Ньюберипорте таким образом удалось сконструировать взаимосвязанную и взаимозависимую систему всеобщего взаимодействия (Ibid.: 791). Каждый член городского сообщества одновременно являлся членом различных социальных структур и имел позицию в одном из социальных классов (Ibid.: 792–193)*. Таким образом, он мог быть определен как имеющий более одного статуса в своем взаимодействии с другими членами сообщества. На основании анализа индивидуальных статусов была построена система вертикальных отношений, позволившая определить индивидов, находившихся на вершине структур и отношений**. Элиты (высшая страта, высший класс, «аристократия», статусная позиция I) в данном случае это те, кто существенно отличаются по статусу, социальному взаимодействию, аффилиации с социальными структурами. Этот подход можно назвать *реляционным* или *отношенческим*.

Решенческий (децизионный) подход частью исследователей (и массовой публикой) считается наиболее релевантным при определении элиты (см., напр.: Человеческий капитал 2012: 32). Однако он достаточно сложен при реализации в эмпирических исследованиях. Проблемы начинаются с локализацией поиска центра принятия решений. В зависимости от теоретических и методологических позиций исследователя основания для определения персон, принимающих конечные решения, могут быть различными. Это опять же индивиды, занимающие высшие позиции, контролирующие ресурсы, наиболее компетентные, наиболее авторитетные, находящиеся в центре сетей и т.п. Кроме этого существенным является вопрос о том, что за решения и в какой области следует анализировать как значимые для определения персон, обладающих властью***. Помимо этого в этом подходе весьма серьезными являются информационные проблемы. Бывший министр обороны США Роберт Гейтс в своих мемуарах отмечает: «Политологи, историки и журналисты часто остаются в полном неведении о событиях, которые происходят, так сказать, за кулисами, но оказывают определяющее влияние на принимаемые важные решения»

* Ср. с идеями Г. Зиммеля о социальных кругах: (Зиммель 1996: гл. 5. О скрещении социальных кругов).

** Подробное описание метода выявления статусных позиций и анализ эмпирического материала см.: (Warner, Lunt, Paul 1942). Руководство по измерению социального статуса с учетом последующего опыта см.: (Warner, Meeker, Eells 1960).

*** Критика Р. Даля, считающегося классиком данного подхода, шла по многим направлениям. См. об этом: (Ледяев 2012: 196–203, 265–274).

(Гейтс 2014: 412). В российском контексте определение ответственных персон и такая необходимая стадия исследования, как анализ документов по решениям, определяемым как существенные для политики, затруднены ввиду большой закрытости для ученых архивов и текущих документов большинства политических и административных органов. Поэтому часть исследователей идет на паллиативы.

В рамках данного подхода возможны варианты, связанные с теоретико-методологическими основаниями и задачами исследования. В частности, Терри Кларк использует так называемый «эрзац-решенческий метод» (Clark 1968). Если для Роберта Даля поиск и определение власти связаны с идентификацией конфликтов по поводу распределения ресурсов в городском сообществе и тем самым с выявлением основных акторов (Dahl 1961), то для Т. Кларка основное — определение влияния в процессе принятия решений. Отсюда его различие «структуры принятия решений», где центральным является устойчивые формы распределения влияния в сообществе, и «властной структуры» с ее типичным распределением ресурсов (Clark 1968: 580, footnote).

Заключение

Социология элит достаточно диверсифицированная научная сфера. Внутренняя дифференциация обусловлена разными факторами. Применение различных стратегий идентификации элит помимо чисто теоретических оснований подчас зависит от мировоззренческих предпочтений. Так, критика У. Домхоффом Р. Даля при всей теоретико-методологической и методической обоснованности и направленности имела и фундаментальные основания (Domhoff 1978). Плюрализм Даля имеет очевидные идеологические экспликации, связанные с легитимацией существующих социальных порядков. У Домхоффа же очевиден критический пафос. Также и ранняя критика Миллса, показывающая его «наивные популистские иллюзии о демократическом ограничении власти» (Bell 1958: 238), была в значительной степени идейной. Власть и элиты ищутся там, где предполагается их найти. Важным является и дисциплинарная принадлежность ученого: «Критический элитизм получил наибольшее распространение в социологической среде, тогда как оплотом плюрализма стали политологические факультеты и центры» (Ледяев 2012: 126, 320).

Как мы видим, при видимой схожести начальных исследовательских стратегий их основания могут достаточно сильно различаться, и теории, на которые они опираются, могут быть не вполне совместимыми. Данное обстоятельство может существенно повлиять на интерпретацию получаемых результатов и на их сравнимость. Помимо этого не все теоретические основания оказываются совместимы со всеми идентификационными стратегиями. Но «даже там, где различные методологические подходы приводят к одному и тому же, это одно и то же в них все-таки не одно и то же, но имеет совершенно различный вес» (Адорно 2010: 175). И именно теоретический контекст определяет этот вес.

Вместе с тем, как показано выше, одни теоретические посылки (во всяком случае одни и те же авторы) могут предполагать разные идентификационные стратегии. Это связано как с объяснительной силой, так и с многоаспектностью исследуемого феномена. Именно это может быть основанием применения раз-

личных идентификационных подходов в рамках одного исследования. Если отвлечься от теоретико-методологических проблем, как указывает ряд исследователей, на уровне эмпирического изучения распределения власти в локальных, городских сообществах результаты могут быть если и не схожими, то не столь противоречащими друг другу, что позволяет согласовывать и комбинировать разные методы изучения такого гетерогенного феномена, как лидерство (см.: Ледаев 2012: 203).

Некоторым обобщением проведенного анализа может быть предлагаемая ниже таблица.

Таблица 1

**Возможности и ограничения применения различных подходов
в исследовании элит и властных групп**

Идентификационный подход	Позиционный / институциональный	Репутационный	Децизионный / решенческий	Рекрутационный
Вариативность интерпретации основного вопроса	низкая (определенность института / позиции)	высокая (неочевидность и неоднозначность критериев выделения)	низкая (определенность основных / стратегических решений в конкретном контексте)	средняя (определенность критериев, но много социальных категорий; необходимы дополнительные основания)
Возможность и эффективность применения	Простота в определении персон, занимающих официальные позиции	Трудности в определении степени информированности персон, определяющих членов элиты	Трудности в определении персон, участвующих в принятии решений	Зависит от наличия персональных данных

Следует оговориться, что возможность использования той или иной стратегии идентификации зависит и от характера исследования (теоретическое или эмпирическое), и от уровня изучаемых властных групп.

Литература и источники

Адорно Т.В. Введение в социологию. М.: Праксис, 2010.

Бест Дж. Социальные проблемы // Социальные проблемы: конструкционистское прочтение: Хрестоматия / сост. И.Г. Ясавеев. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2007.

Блумер Г. Социальные проблемы как коллективное поведение // Социальные проблемы: конструкционистское прочтение: Хрестоматия / сост. И.Г. Ясавеев. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2007.

Блур Д. Знание и социальное представление. Глава 6. Возможна ли альтернативная математика // Социология власти. 2012. № 6–7. С. 150–177.

Вебер М. Основные социологические понятия // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 602–643.

Гейтс Р. Долг: Мемуары министра войны. М.: АСТ, 2014.

Гоулднер А.У. Наступающий кризис западной социологии. СПб.: Наука, 2003.

Дука А. «Элиты» и элита: понятие и социальная реальность // Россия и современный мир. 2009. № 1. С. 136–153.

Дука А.В. Перспективы социологического анализа властных элит // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. № 1. С. 64–82.

Дука А.В. Теоретические проблемы в исследовании властных элит // Журнал социологии и социальной антропологии. 2008. № 1. С. 50–70.

Дюркгейм Э. Метод социологии // Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / пер. с фр., сост., послесл. и прим. А.Б. Гофмана. М.: Канон, 1995. С. 5–164.

Зиммель Г. Проблема социологии // Новые идеи в социологии / под ред. М.М. Ковалевского и Е.В. де-Роберти. Сб. 1. Социология. Ее предмет и современное состояние. СПб.: Образование, 1913. С. 109–141.

Зиммель Г. Социальная дифференциация. Социологические и психологические исследования // Зиммель Г. Избранное. Т. 2. Созерцание жизни. М.: Юрист, 1996. С. 301–465.

Йоас Х., Кнебель В. Социальная теория. 20 вводных лекций / пер. с нем. К.Г. Тимофеевой. СПб.: Алетейя, 2011.

Карабущенко П.Л. Антитворчество политических элит: от фальсификации истории к фальсификации самих элит // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего. 2013а. № 7 (11). С. 228–234.

Карабущенко П.Л. Рейтинг и антирейтинг элит: имитация и фальсификация элитности в элитах // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2013б. № 4. С. 215–224.

Койчужев Т. Элита постсоциалистического общества. Кого к ней относить? // Общество и экономика. 2007. № 5–6. С. 2–12.

Коллинз Р. Четыре социологические традиции. М.: Территория будущего, 2009.

Крыжановский С.Е. Воспоминания: из бумаг С.Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи. СПб.: РНБ, 2009.

Кун Т. Структура научных революций // Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2002.

Ледяев В.Г. Социология власти: Теория и опыт эмпирического исследования власти в городских сообществах. М.: Изд. дом ГУ ВШ, 2012.

Манхейм К. Человек и общество в эпоху преобразования // Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994.

Миллс Р. Властвующая элита. М.: Изд-во иностранной лит-ры, 1959.

Монсон П. Современная западная социология: теории, традиции, перспективы. СПб.: Нотабене, 1992.

Парето В. Компендиум по общей социологии / пер. с итал. А.А. Зотова. 2-е изд. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008.

Парето В. Прогнозирование социальных явлений // Парето В. Трансформация демократии / пер. с итал. М. Юсима. М.: Территория будущего, 2011. С. 165–186.

Подолько Е.О. Элитарные личностные качества: случай праксиса // Власть. 2013. № 1. С. 76–78.

Ритцер Дж. Современные социологические теории. 5-е изд. СПб.: Питер, 2002.

Рэдклифф-Браун А.Р. Метод в социальной антропологии. М.: КАНОН-Пресс-Ц; Кучково поле, 2001.

Тернер Дж. Структура социологической теории. М.: Прогресс, 1985.

Тощенко Ж.Т. Элита? Клань? Клики? Как назвать тех, кто правит нами? // Социологические исследования. 1999. № 11. С. 123–133.

Уорнер У. Живые и мертвые. М.; СПб.: Университетская книга, 2000.

Человеческий капитал российских политических элит. Политико-психологический анализ / под ред. Е.Б. Шестопаля, А.В. Селезневой. М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012.

Юревич А.В. Культурно-психологические основания научного знания // Проблема знания в истории науки и культуры / отв. ред. Е.Н. Молодцова. СПб.: Алетейя, 2001. С. 155–192.

Aron R. Social Structure and the Ruling Class, *British Journal of Sociology*. 1950, 1(1), pp.1–16; 1(2), pp. 126–143.

Baltzell E.D. *Philadelphia Gentlemen: The Making of a National Upper Class*. With a new afterword by the author. Chicago: Quadrangle Books, 1971.

Bell D. The Power Elite-Reconsidered, *The American Journal of Sociology*, 1958, 64(3), pp. 238–250.

Best H. Marx or Mosca? An Inquiry into the foundations of Ideocratic Regimes, *Historical Social Research — Historische Sozialforschung*, 2012, 37(1), Special Issue: Elite Foundations, pp. 73–89.

Beth M.W. The Elite and the Elites, *The American Journal of Sociology*, 1942, 47(5), pp. 746–755.

Bottomore T.B. *Elites and Society*. Harmondsworth: Penguin Books, 1966.

Burton M., Gunther R., Higley J. Introduction: elite transformations and democratic regimes, in: Higley J., Gunther R. (eds.), *Elites and Democratic Consolidation in Latin America and Southern Europe*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992, pp.1–37.

Carlton E. *The few and the many: a typology of elites*. Aldershot, England: Scolar Press; Brookfield, Vt., USA: Ashgate Pub. Co., 1996.

Clark T.N. Community structure, decision-making, budget expenditures and urban renewal in 51 American communities, *American Sociological Review*, 1968, 33(4), pp. 576–593.

Czudnowski M.M. Toward a Second Generation of Empirical Elite and Leadership Studies, in: Czudnowski M.M. (ed.), *Political Elites and Social Change: Studies of Elite Roles and Attitudes*. De Kalb, Ill.: Northern Illinois University Press, 1983, pp. 243–255.

Dahl R. *Who Governs? Democracy and Power in an American City*. New Haven; L.: Yale University Press, 1961.

D'Antonio W.V., Erickson E.C. The Reputational Technique as a Measure of Community Power: An Evaluation Based on Comparative and Longitudinal Studies, *American Sociological Review*, 1962, 27(3), pp. 362–376.

Dogan M. Introduction: Diversity of Elite Configurations and Clusters of Power, *Comparative Sociology*, 2003, 2(1), pp. 1–15.

Domhoff G.W. *Who Really Rules? New Haven and Community Power Reexamined*. New Brunswick, N.J.; L.: Transaction Books, 1978.

Emmerson D.K. *Indonesia's Elite: Political Culture and Cultural Politics*. Ithaca; L.: Cornell University Press, 1976.

Feith H. *The Decline of Constitutional Democracy in Indonesia*. Ithaca; N.Y.: Cornell Univ. Press, 1962.

Field G.L., Higley J. *Elitism*. L.; Boston: Routledge and Kegan Paul, 1980.

Fox K. *Watching the English: The hidden rules of English behavior*. L.: Hodder, 2004.

Higley J., Burton M. *Elite Foundations of Liberal Democracy*. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2006.

Higley J., Pakulski J. Epilogue: elite theory versus Marxism: the twentieth century's verdict, in: Higley J., Lengyel G. (eds.), *Elites After State Socialism. Theories and Analysis*. Lanham, Maryland: Rowman & Littlefield Publishers, 2000, pp. 229–242.

Hunter F. *Community Power Structure*. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1953.

Hartmann M. *The Sociology of Elites*. N.Y.: Routledge, 2006.

Janowitz M. Social Stratification and the Comparative Analysis of Elites, *Social Forces*, 1956, 35(1), pp. 81–85.

Marger M.N. *Elites and Masses. An Introduction to Political Sociology*. N.Y.: D. Van Nostrand Company, 1981.

Meisel J.H. *The Myth of the Ruling Class: Gaetano Mosca and the "Elite"*. With the first English translation of the final version of "The Ruling Class". Ann Arbor: University of Michigan Press, 1962.

Michels R. The Status of Sociology in Italy, *Social Forces*, 1930, 9(1), pp. 20–39.

Mosca G. *The Ruling Class*. N.Y.; L.: McGraw-Hill Book Company, inc., 1939.

Nikolov S.E. Bulgaria: A Quasi-Elite, in: Higley J., Pakulski J., Wesołowski W. (eds.), *Postcommunist Elites and Democracy in Eastern Europe*. Basingstoke: Macmillan, 1998, pp. 213–225.

Pahl R.E., Winkler J.T. The Economic Elite: theory and practice, in: Stanworth P., Giddens A. (eds.), *Elites and Power in British Society*. Cambridge: Cambridge University Press, 1974, pp. 102–122.

Pakulski J. The Weberian Foundations of Modern Elite Theory and Democratic Elitism, *Historical Social Research — Historische Sozialforschung*, 2012, 37(1), Special Issue: Elite Foundations, pp.38–56.

Parry G. *Political Elites*. L.: George Allen and Unwin, 1969.

Putnam R.D. *The Comparative Study of Political Elites*. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1976.

Scott J. Introduction, in: Scott J. (ed.), *The Sociology of Elites*. Vol.1. The Study of Elites. Aldershot; Brookfield: Edward Elgar Publ., 1990, pp. viii–xiv.

Suleiman E.N. *Elites in French Society: The Politics of Survival*. Princeton: Princeton University Press, 1978.

Warner W.L. Social Anthropology and the Modern Community, *The American Journal of Sociology*, 1941, 46(6), pp. 785–796.

Warner W.L., Low J.O., Lunt P.S., Srole L. *Yankee City*. One volume, abridge edition. Selected and edited by W. Lloyd Warner. New Haven: Yale University Press, 1963.

Warner W.L., Lunt P.S. *The Status System of a Modern Community*. New Haven: Yale University Press, 1942.

Warner W.L., Meeker M., Eells K. *Social Class in America: A Manual of Procedure for the Measurement of Social Status*. With a new essay "Theory and method for the comparative study of social stratification", by W. Lloyd Warner. N.Y.: Harper, 1960.